

О выходѣ II тома „Что читать народу“.

(Докладъ собранію учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы 20 февраля 1889 года).

Петербургъ по обыкновенію встрѣтилъ меня съ той теплотой и радушіемъ, которыхъ многіе и многіе не признають за нимъ, что кажется мнѣ положительной ошибкой. Этотъ огромный и просвѣщенный городъ, являясь средоточіемъ интеллигентныхъ силъ и дарованій, представляется для меня всегда строгимъ и справедливымъ оцѣнщикомъ умственного труда. Онъ мѣтко опредѣляетъ людей, ихъ способности, ихъ стремленія и мотивы, руководящіе ихъ общественною дѣятельностью. Въ то время, какъ провинція сплетничаетъ и безцеремонно роется у васъ въ душѣ, силясь найти въ ней мелочные инстинкты самолюбія и самонѣнія и отравляя вашу жизнь мелкими уколами и интригами,—Петербургъ, не извѣрившись еще въ жажду подвига, громко и авторитетно аплодируетъ вамъ, поощряя ваши честныя стремленія и возбуждая въ васъ бодрость духа.

Тѣмъ не менѣе, я ѣхала въ Петербургъ съ трепетнымъ ожиданіемъ этого суда по поводу книги «Что читать народу». Многіе изъ людей, глубоко чтимыхъ мною за ихъ умъ и талантливость, какъ: Абрамовъ, Миropольскій, Семеновъ, Острогорскій, Сысоева и др., получали отъ меня книгу въ листахъ съ цѣлью ознакомленія исподволь съ нашимъ объемистымъ трудомъ и возможности произнести надъ нимъ въ послѣдствіи болѣе обстоятельный и строгій приговоръ. Но помимо этого приговора, которымъ такъ дорожила я и который оказался, слава Богу, болѣе или менѣе благопріятнымъ, являлась другая сторона дѣла, несказанно мучившая меня,—это вопросъ, пройдетъ ли книга въ цен-

зурѣ. Когда вопросъ этотъ былъ чѣмъ-то будущимъ и далекимъ, я поддавалась на увѣщанія компетентныхъ людей печатать книгу безъ предварительной цензуры, но теперь, когда онъ висѣлъ надъ головой, какъ Дамокловъ мечъ,—теперь, когда я думала, что въ эту именно минуту рѣшается участь книги, а слѣдовательно, и моей жизни, тѣсно связанной съ ней,— всю мою душу охватывалъ какой-то паническій страхъ. «Какъ хорошо было бы умереть, успокоиться и не знать всего этого!» думалось мнѣ въ такіе минуты. Одно, что нѣсколько успокаивало меня,—это мысль, что старикъ Королевъ понесетъ лично нашу книгу въ цензуру. Въ воображеніи моемъ вставала его старческая почтенная фигура съ бѣлыми, какъ лунъ, волосами и умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Вотъ онъ входитъ въ цензурный комитетъ, держа въ рукахъ нашу огромную книгу, и сдержанно и съ достоинствомъ ручается передъ строгими судьями за благонадежность ея направленія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я все-таки не знала, въ цензурѣ ли книга или нѣтъ, и тотчасъ же послала записку къ издателю ея, Павленкову, трепетно ожидая отъ него отвѣта. На визитной карточкѣ, которую принесъ мнѣ посыльный, было написано лаконически: «Буду у васъ завтра въ 12 часовъ». Отвѣтъ этотъ страшно взбѣсилъ меня, и я еле могла дожидаться слѣдующаго утра.

— Ну, повинную голову и мечъ не сѣчетъ!—сказалъ мнѣ, входя, Павленковъ съ своей обычной саркастической улыбкой.—Я не послушался васъ, Христина Даниловна, и послалъ книгу въ цензуру просто со сторожемъ. Къ чему вамъ обставлятъ ее какими-то особенными условіями и тѣмъ самымъ возбуждать къ ней излишнія подозрѣнія. Книга эта такъ безобидна, что не требуетъ положительно никакихъ ухищреній, и я настолько увѣренъ въ благополучномъ исходѣ, что готовъ выпустить публикаціи о ней въ воскресенье, несмотря на то, что срокъ ея въ цензурѣ истекаетъ въ понедѣльникъ.

Обстоятельство это окончательно разстроило меня. Отъ среды до понедѣльника оставалось еще цѣлыхъ 5 дней. Мой угнетенный и потерянный видъ вызывалъ, очевидно, во всѣхъ

искреннее состраданіе, и каждый силился ободрить и успокоить меня. По вечерамъ гостиная моя была полна симпатичныхъ мнѣ людей, и всѣ они относились ко мнѣ съ какимъ-то исключительнымъ вниманіемъ и участіемъ, какъ относятся, вѣроятно, къ человѣку, приговоренному къ смерти. Тѣмъ не менѣе, въ бесѣдахъ этихъ прорывался минутами и зловѣщій элементъ, такъ, напр., на утѣшительныя слова о томъ, что книга эта слишкомъ велика и ни одинъ изъ цензоровъ не въ силахъ перечестъ ее, кто-то сдѣлалъ предположеніе, что ее разорвутъ по кусочкамъ и раздадутъ 12 цензорамъ. На указаніе близости окончанія срока другой предсказывалъ, что для подобной толстой книги навѣрное удвоятъ срокъ. Одинъ изъ пріятелей Павленкова, Надѣинъ, говорилъ ему, просидѣвши у насъ вечеръ: «Какъ я боюсь за Христину Даниловну! Сосредоточенность ея на одномъ пунктѣ такъ велика, что, по-моему, она близка къ сумасшествію».

Дѣйствительно, я чувствовала себя не вполне нормальной.

Вѣрный себѣ Павленковъ пустилъ въ воскресенье газетныя публикаціи, но онѣ нисколько не успокоили меня; напротивъ, я негодовала только до послѣдней крайности, какъ можетъ шутить онъ подобнымъ серьезнымъ дѣломъ. Особенно тяжела была для меня ночь съ воскресенья на понедельникъ: мнѣ не то грезились, не то снились какіе-то страшные сны; мнѣ снилось, будто какой-то отвратительный господинъ дернулъ меня мимоходомъ за правую руку и оторвалъ мнѣ ее. «Цензоръ», прошепталъ кто-то, наклоняясь надъ моимъ ухомъ.

Утромъ мнѣ сказали, что въ передней меня ждетъ какой-то простолюдинъ. Я вышла. Передо мной стоялъ артельщикъ Павленкова въ смазныхъ сапогахъ и въ поряжѣломъ пальто.

— Флорентій Ѳеодорычъ приказали спросить васъ, — заговорилъ онъ, — сколько прикажете дѣлать скидки на книги: 20% или 25%, и будете ли вы отпускать ее торговцамъ на комиссію или продавать на наличный расчетъ?

Я стояла передъ нимъ молча и почти не понимала, о чемъ онъ спрашиваетъ меня. Какъ, неужели въ этомъ видѣ совершится выходъ книги? Мнѣ казалось, что при этомъ событіи должно произойти нѣчто необычайное, нѣчто въ родѣ звона колоколовъ, толпы народа, криковъ ура! И вдругъ этотъ артельщикъ въ смазныхъ сапогахъ и вопросъ объ уступкѣ какихъ-то процентовъ! Наконецъ я вспомнила слова Королева, будто мнѣ должны прислать билетъ изъ цензуры о выходѣ книги, и написала записку Павленкову въ довольно рѣзкомъ тонѣ, на что тотъ отвѣчалъ мнѣ шутливо: «Вѣроятно, Королевъ вспомнилъ о томъ, что было во времена Очакова и покоренія Крыма; теперь же не посылаютъ никому никакихъ билетовъ, и если не заарестуютъ книгу на 3—4 день, вы смѣло можете говорить: слава Богу!»

Весь этотъ день я ходила, какъ въ чадѣ, не смѣя вѣрить своему счастью, не смѣя послать телеграмму съ этимъ извѣстіемъ, и только на другой день, во вторникъ, когда тотъ же артельщикъ вручилъ мнѣ пакетъ съ деньгами за 570 экземпляровъ, проданныхъ торговцамъ, я увѣровала, наконецъ, въ подлинность факта и послала телеграмму въ Харьковъ: «книга вышла благополучно изъ цензуры».

Затѣмъ я подошла къ вороху книгъ «Что читать народу», полученныхъ отъ переплетчика, и стала распредѣлять и надписывать ихъ. Еще вчера я ходила мимо этихъ книгъ, не смѣя притронуться къ нимъ и проникнутая какой-то неизъяснимой боязнью, а сегодня я уже смѣло брала ихъ въ руки, и къ вечеру посыльный разнесъ ихъ по назначенію. Вотъ тутъ-то началось для меня нѣчто вродѣ торжества, о которомъ грезилось мнѣ. Мои знакомые наперерывъ пріѣзжали поздравить меня и благодарить за книгу; иные, не имѣя возможности по тѣмъ или инымъ причинамъ явиться лично, присылали самыя лестныя письма.

Кромѣ визитовъ и писемъ, доставившихъ мнѣ несказанное удовольствіе, я получила и нѣсколько телеграммъ, увеличившихъ мое торжество.

Не знаю, могли ли себѣ представить всѣ эти люди, писавшіе и телеграфировавшіе мнѣ, насколько дороги и

радостны были для меня эти проявленія дружбы, вниманія и участія.

Какъ-то вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ председатель комитета грамотности Я. Т. Михайловскій. Онъ очень благодарилъ меня за книгу и вообще былъ любезенъ и привѣтливъ; но, очевидно, какое-то обстоятельство мучило его и дѣлало печальнымъ. Когда кое-кто изъ посѣтителей ушелъ, онъ обратился ко мнѣ своимъ тихимъ голосомъ съ такою рѣчью: «Вотъ мы не знаемъ, Х. Д., слѣдуетъ ли издавать намъ продолженіе нашего «Систематическаго обзора народной литературы» ввиду выхода вашего второго тома. Въ комиссіи у насъ были горячіе дебаты по этому поводу. Большинство рѣшило издавать, но я лично остался въ меньшинствѣ, доказывающихъ, что конкуренція въ данномъ случаѣ немыслима. Къ тому же, если бы вы знали, какъ туго подвигается у насъ эта работа, какъ тяжело мнѣ созывать наши комиссіи: къ одному поѣдешь на поклонъ, другого силою притащишь, — просто имучился!»

Онъ говорилъ все это тономъ человѣка, беззавѣтно преданнаго излюбленному дѣлу и въ то же время страдающаго, что именно это дѣло не стоитъ на высотѣ своего призванія. Онъ силился быть справедливымъ и отдать должную дань книгѣ «Что читать народу» и въ то же время, очевидно, страдалъ ея успѣхомъ. Глядя на его блѣдное, измученное лицо, на его впалыя щеки, глаза и грудь, я готова была отрѣшиться въ эту минуту отъ успѣха книги и старалась всѣми силами успокоить его и доказать, что «Систематическій обзоръ народной литературы» имѣетъ свои преимущества, что въ этомъ разборѣ работаютъ всѣ лучшія педагогическія силы, что, кромѣ народныхъ книгъ, онъ разсматриваетъ еще учебники и т. д.

Но когда Михайловскій ушелъ, мнѣ вдругъ стало радостно при мысли объ этой конкуренціи. Затѣмъ я устыдилась этой радости и, желая чѣмъ-либо загладить свою вину, отправила на другой день на имя председателя комитета грамотности 100 экземпляровъ книги «Что читать народу» для разсылки ея въ бѣднѣйшія школы.

Въ тотъ же день вечеромъ гостиная моя была полна народу. Дверь отворилась, и вошла А. Г. Достоевская. Она имѣла на этотъ разъ какой-то особенный торжественный видъ въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ со стекляньюсомъ и пачкой маленькихъ брошюркъ въ рукахъ. Поздоровавшись съ присутствующими, она обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:

«Христина Даниловна! сегодня я прочла ваши замѣтки на выдержки изъ сочиненій Федора Михайловича, изданныя мною. Правда, вы слишкомъ строго отнеслись ко мнѣ и не простили мнѣ въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго промаха, но я покоряюсь безропотно этому строгому суду и пріѣхала просить васъ или кого-либо изъ вашихъ почтенныхъ сотрудниковъ пересмотрѣть всѣ эти брошюры передъ новымъ ихъ изданіемъ и передѣлать согласно вашимъ указаніямъ. Я вспоминаю при этомъ, какъ относился къ вамъ покойный Федоръ Михайловичъ, какъ уговаривалъ онъ васъ писать, какъ говорилъ, что если онъ напишетъ что-либо для народа, то непременно отдастъ это на вашъ судъ. И будь онъ живъ, я увѣрена, что онъ поступилъ бы такъ, какъ поступаю я въ эту минуту».

Мнѣ оставалось только поблагодарить за честь и принять это лестное предложеніе.

Въ описаніи другой моей поѣздки въ Петербургъ есть слѣдующая характеристика Ф. Θ. Павленкова:

На другой день, утромъ, у меня былъ мой старинный другъ, идейный издатель, который давно выговорилъ для себя право бывать по утрамъ! Какъ многіе люди съ широкимъ кругозоромъ, онъ терпѣть не можетъ педагоговъ и педагогическихъ кружковъ, кажущихся ему синонимомъ со словомъ скука. Почему прощаетъ онъ мнѣ мою педагогичность, если можно такъ выразиться, я, право, не знаю, и это непонятно для меня такъ же, какъ то, какимъ образомъ я могу простить ему его высокомерный и несправедливый взглядъ на людей, посвятившихъ свою жизнь вопросамъ народнаго образованія. Но такъ или иначе, вы никогда

не увидите его у меня вечеромъ, въ кружкѣ другихъ моихъ друзей, а утромъ я тщательно оберегаю тѣ дни и часы, когда онъ приходитъ ко мнѣ.

Въ этотъ разъ онъ возвращался съ похоронъ цензора В. Цензоръ В. былъ исключеніемъ изъ общаго правила и вполнѣ оправдывалъ пословицу: «не мѣсто красить чело-вѣка, а чело-вѣкъ—мѣсто». Это былъ тотъ самый цензоръ, который когда-то говорилъ идейному издателю: «Охъ, под-ведите вы меня, и пойдемъ мы вмѣстѣ съ вами въ каторгу». Вотъ почему на похоронахъ его одинъ изъ настоящихъ цензоровъ — присяжныхъ палачей мысли, подошелъ къ идейному издателю и сказалъ ему съ саркастической улыб-кой: «и такъ, вы хороните сегодня своего цензора».

Изъ людей 60-хъ годовъ—издателей и писателей, обязан-ныхъ покойнику распространеніемъ въ обществѣ ихъ за-вѣтныхъ идей,—не было ни единого чело-вѣка. Имъ казалось постыднымъ сопровождать гробъ цензора, и не постыдился этого только одинъ идейный издатель.

Позднѣе, во второй мой пріѣздъ въ Петербургъ, онъ пришелъ ко мнѣ прямо изъ цензуры; онъ имѣлъ видъ че-ловѣка, одержавшаго побѣду, и, дѣйствительно, побѣда эта заключалась въ слѣдующемъ: незадолго до тяжелой болѣзни цензора-благодѣтеля онъ представилъ на его разсмотрѣніе книгу: «Рабочій вопросъ» и заручился его обѣщаніемъ, что книга эта увидитъ свѣтъ Божій; обѣщаніе, однако, дано было на словахъ, а потому участь «Рабочаго вопроса» ока-залась вдругъ весьма сомнительной, какъ и нѣсколькихъ другихъ книгъ. Пришлось избирать для себя новаго цен-зора, и вотъ идейный издатель остановился на мысли вы-брать строжайшаго изъ нихъ, чтобы, такимъ образомъ, по-казать увѣренность въ благонадежности своихъ изданій. Это не помѣшало, однако, строгому цензору забраковать одну, другую, третью книгу. Когда дѣло дошло до предста-вленія «Рабочаго вопроса», онъ вышелъ, наконецъ, изъ себя и, явившись въ комитетъ, сталъ кричать и размахивать руками, говоря, чуть не съ пѣною у рта: «Что онъ хочетъ произвести меня въ званіе палача мысли, это чортъ знаетъ, что такое, пусть просматриваетъ эту зловредную книгу кто

угодно, только не я». Идейному издателю была передана, своевременно, эта сцена. Онъ явился къ суровому цензору и объяснилъ ему, что тотъ поступилъ вполнѣ неприлично, что онъ могъ думать о книгѣ, что ему угодно, но не компрометировать ее въ публичномъ засѣданіи, что положеніе другого цензора, кто бы ни былъ онъ, окажется крайне щекотливымъ, если онъ даже по совѣсти одобрить книгу, названную его предшественникомъ зловредною. Вѣроятно, доводы идейнаго издателя показались основательными суровому цензору, и на этотъ разъ онъ пропустилъ «Рабочій вопросъ» съ такой аттестаціей: «Хотя книга затрогиваетъ вопросъ либеральнаго свойства, но въ основаніи своемъ не имѣетъ злонамѣренныхъ цѣлей и замысловъ».

Впродолженіе короткаго времени мнѣ пришлось три раза побывать въ Петербургѣ. Въ послѣдній мой пріѣздъ идейный издатель явился ко мнѣ изъ цензуры съ необычно печальнымъ лицомъ. «Ей Богу, зарѣжусь, подлецы», произнесъ онъ раздражительно. Я думала, что рѣчь идетъ о «Рабочемъ вопросѣ». — «Какое, я забылъ о немъ уже и думать», сказалъ онъ съ досадою. «Эта новая книга называется «Исторія цензуры въ Россіи»; я напечаталъ ее безъ предварительной цензуры, на что имѣлъ полнѣйшее право, но они придрались къ пустякамъ, къ тому, что въ типографіи не разобрали набора во-время и настаиваютъ, чтобы изданіе это было подцензурное: если это удастся имъ, они, конечно, искалѣчатъ его до неузнаваемости; но нѣтъ, этого не будетъ! Я говорилъ имъ сейчасъ: «Произведеніе насильственной цензуры, надъ подобной темой, можетъ только скомпрометировать васъ, господа! Слыханное ли дѣло, чтобы произнесеніе приговора надъ собственными поступками предоставлялось заинтересованному лицу». И я видѣлъ, что доводы мои значительно смутили ихъ. Говорилъ онъ, расхаживая по комнатѣ большими шагами и какъ будто позабывши о моемъ присутствіи».

Вообще онъ былъ не въ духѣ этотъ разъ и громилъ не только цензоровъ, но и современную печать. Онъ рассказывалъ возмутительные факты о кумовствѣ и сватовствѣ, которыя завелись въ ней, и съ особеннымъ раздраженіемъ

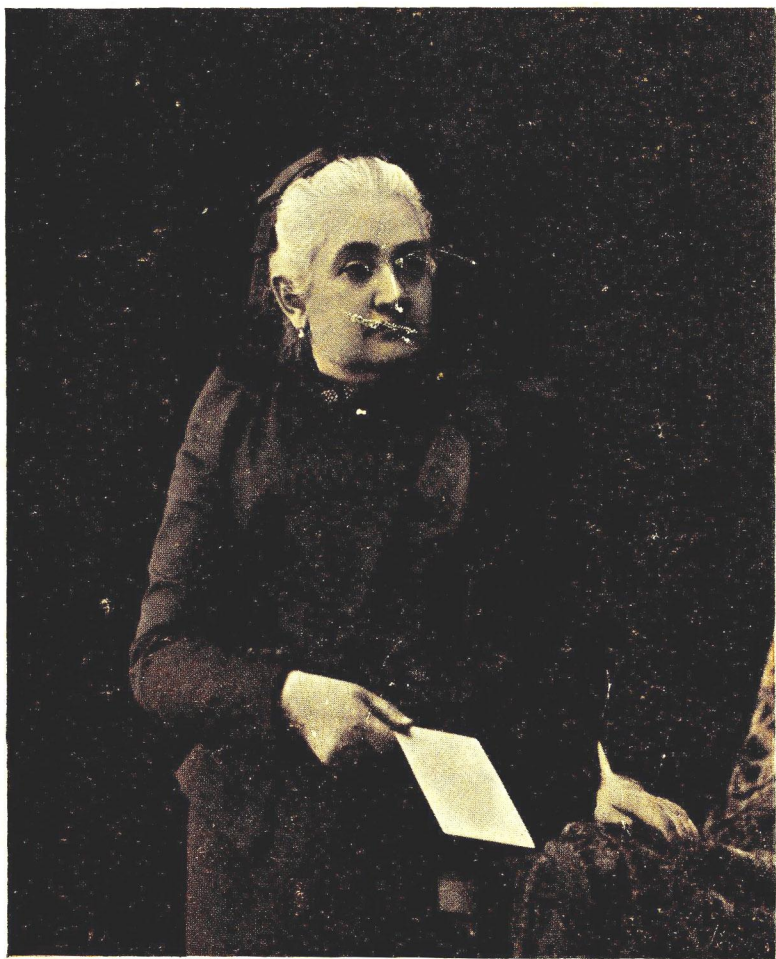
остановился на такомъ случаѣ: онъ дѣлалъ заказы въ типографіи одной большой газеты, пока условія ея были для него не обременительны. Въ послѣднее время типографія эта возвысила цѣны, и онъ перешелъ въ другую, находя для себя это болѣе выгоднымъ. Недавно вышла книга, обратившая на себя вниманіе всей русской печати и вызвавшая дружныя одобренія; не говорила о ней только ни слова большая газета. Встрѣтившись съ критикомъ ея, онъ спросилъ того, что это значить?—«А развѣ вы позабыли, въ какія отношенія поставили вы себя къ нашему редактору!—отвѣчалъ тотъ развязно.—Онъ не позволитъ теперь говорить намъ о вашихъ изданіяхъ ни слова».

Между Москвою и Петербургомъ я прочла романъ Потапенко «Не герой». Въ немъ выведенъ, между прочимъ, мой идейный издатель, въ довольно привлекательномъ свѣтѣ, но мнѣ кажется, что образъ его достоинъ болѣе широкой кисти и болѣе яркихъ красокъ. Это не только безкорыстный издатель хорошихъ книгъ, какимъ является онъ тамъ,—это безстрашный и искусный борецъ за человѣческую мысль, какихъ, быть-можетъ, нѣтъ и не было на нашей родинѣ.

Нѣсколько дней въ Москвѣ въ ноябрѣ 1892 года.

За нѣсколько минутъ до отъѣзда моего изъ Петербурга въ номеръ нашъ вошелъ братъ мой Л. Д., и глазамъ его предстала такая картина: Е. Н. укладывала что-то въ моемъ дорожномъ сундукѣ, В. С. и Н. А. также пришли помочь мнѣ; я совершенно выбилась изъ силъ поспѣшной укладкой и принимала ихъ услуги, какъ должную дань. Вглядѣвшись во все это, онъ замѣтилъ съ улыбкою: «Вы—воскресницы—ужасно напоминаете мнѣ древнихъ христіанъ: сошлись тутъ съ разныхъ концовъ Россіи, и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ вы представляете изъ себя одну общую семью близкихъ по духу и симпатіямъ людей».

Мнѣ чрезвычайно понравилось это сравненіе, и я еще осязательнѣе почувствовала его въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда я проѣзжала Москву по пути въ Петербургъ, друзья, встрѣтившіе меня на вокзалѣ, взяли съ меня слово, что я непременно остановлюсь тамъ на обратномъ пути на два, на три дня, непременно побываю въ двухъ-трехъ воскресныхъ школахъ, непременно прочту докладъ о книгѣ для класснаго чтенія взрослыхъ въ огромной комиссіи воскресныхъ и вечернихъ школъ, которую соберутъ они послучаю моего пріѣзда. Сначала я нѣсколько встревожилась подобнымъ планомъ ввиду исторіи, которая произошла уже однажды въ Москвѣ на тему, почему именно я пригоняю свои проѣзды къ субботаѣ и почему собирается у меня въ такомъ количествѣ молодежь? Но друзья стали стыдить меня излишней трусостью; доказывали, что комиссія, въ которую они зовутъ меня, офи-

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.
1892 г.

LIBRARY OF THE
BIBLIOTHECA

ціально разрѣшена, что она будетъ происходить подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ и что мнѣ совершенно нечего бояться.

И дѣйствительно, чѣмъ дальше отъѣзжала я отъ нашей матушки-Москвы, тѣмъ страхи эти улегались все болѣе и болѣе, а въ Петербургѣ я совсѣмъ позабыла о нихъ и стала готовиться къ комиссіи. Попути въ Москву мнѣ грезилась уже огромная зала, толпа народа, дружескія лица, встрѣчающія меня съ привѣтомъ, и та атмосфера общественной жизни, которая такъ высоко поднимаетъ мои нервы и дѣлаетъ меня такой храброй и самонадѣянной. Но довольно было мнѣ взглянуть на вокзалѣ въ лицо Е. И. Цвѣтковой, чтобы понять, что случилось нѣчто недоброе. Когда мы сѣли въ карету, она вытащила изъ кармана носовой платокъ и стала утирать слезы. Оказалось, что собраніе наше должно было происходить, какъ и всегда, въ огромной залѣ московскаго богача П.; но на этотъ разъ онъ почему-то весьма недружелюбно встрѣтилъ А. М. Цвѣткову, которая была командирована просить у него залу, и сталъ даже кричать на нее, какъ часто кричатъ господа на горничныхъ. «Не дамъ я вамъ своей залы! — кричалъ, разгорячившись, г. П. — Что это за сборища?! Комиссія?.. Комиссія бываетъ въ 7 человекъ, а не въ 70 и не въ 700. За вами и безъ того слѣдить полиція, я увѣренъ въ этомъ, да и слѣдуетъ слѣдить за такого рода безобразіемъ!»

Послѣ такого пассажа, нечего, конечно, было и думать о сборищѣ. Что, если г. П. въ пылу своихъ патріотическихъ чувствъ донесетъ объ этомъ сборищѣ по начальству; что, если всѣ мы, здорово живешь, будемъ переписаны и арестованы; что, если всѣмъ намъ запретятъ дѣлать наше маленькое, скромное, но дорогое для насъ дѣло?!

Свѣтъ, однако, не безъ добрыхъ людей, и наканунѣ моего приѣзда нѣкто Езерскій, организовавшій въ Москвѣ курсы счетоводства, узнавши о томъ, что произошло съ залой П., явился на помощь. «Для этой женщины, — говорилъ онъ восторженно, — я готовъ сдѣлать все, все. Я уберу мою залу флагами, я воздвигну въ ней трибуну, я самъ стану насторожѣ могушей произойти неприятности». Но

когда мнѣ сказали объ этомъ, я изъ осторожности отклонила этотъ планъ.

Но кто же такой Езерскій и почему именно онъ отнесся ко мнѣ такъ восторженно? Много лѣтъ тому назадъ, въ дни моей молодости, въ Харьковѣ появился молодой человѣкъ, высланный сюда изъ Петербурга за участіе въ политическихъ смутахъ выпускного курса студентовъ училища правовѣдѣнія. Карьера была испорчена, но молодой человѣкъ не робѣлъ. Довольно было взглянуть въ его открытое лицо, въ эти голубые веселые, полные жизни и энергіи глаза и на всю эту мощную, стройную, красивую фигуру, чтобы понять и почувствовать, сколько нравственной силы, сколько огня и задора, сколько отваги къ борьбѣ таится въ душѣ этого юноши, начинающаго жизнь.

Внѣшній видъ его, однако, былъ довольно небреженъ. Высокіе смазные сапоги, поношенный пиджакъ и старенькій шарфъ, которымъ онъ обыкновенно въ холодные дни обматывалъ себѣ горло, составляли, кажется, все его имущество. Онъ давалъ частные уроки и жилъ гдѣ-то, чуть не за городомъ, подь Основой.

То были времена романа Чернышевскаго «Что дѣлать?» Увлеченная общимъ потокомъ, я также отдала дань своему времени. Правда, я не забросила школы; не ушла изъ дому, какъ дѣлали инныя изъ молодыхъ женщинъ подъ впечатлѣніемъ романа; не отстала отъ своей маленькой чайной торговли, которая удовлетворяла меня нравственно, какъ самостоятельный заработокъ; но мысль объ устройствѣ швейной для дѣвушекъ, погибающихъ въ нищетѣ и развратѣ, овладѣла всецѣло моимъ горячимъ сердцемъ и не давала мнѣ покоя. Осуществить ее самостоятельно я не могла, не имѣя ни времени, ни средствъ, ни умѣнья стать во главѣ дѣла въ роли закройщицы. Мнѣ указали на знатную барыню, очень умную, развитую, богатую, образованную, гуманную, которая могла бы осуществить задуманный мною планъ. Сказано — сдѣлано. Я пишу барынѣ огромное, прочувствованное письмо, излагая въ немъ теоріи Чернышевскаго и другихъ писателей, которыхъ читалась я тогда. Въ письмо это я влагаю всю свою душу, всѣ завѣтныя мечты и чая-

нія. Оно доходитъ до самаго сердца знатной барыни-благотворительницы, и я слышу, что въ городѣ расклеены уже объявленія объ открытіи швейной для бѣдныхъ дѣвушекъ на началахъ ассоціаціи и круговой поруки.

Но кто же позволилъ развѣсить эти объявленія и почему полиція развѣшиваетъ ихъ? А потому, что мѣстный губернаторъ состоитъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ барыней-благотворительницей и сочувствуетъ всѣмъ ея затѣямъ. Извѣстіе это несказанно шокируетъ меня: швейная, Чернышевскій, губернаторъ, полиція...—нѣтъ, все это вещи совершенно несовмѣстимыя; я чувствую диссонансы, я несчастлива. Еще болѣе несчастлива я послѣ собранія, устроеннаго на дому барыни-благотворительницы, въ которомъ участвовали дѣвушки, направленные туда мною. Очевидно, идеи, вложенныя мною въ письмо, незамѣтно скользнули только въ сознаніи свѣтской женщины, и собраніе это носило совсѣмъ нежелательный характеръ. Черта благотворительности, съ которою такъ сжилась барыня, прошла и тутъ яркою полосой; на собраніи появилась, между прочимъ, какая-то совсѣмъ неизвѣстная кружку замужняя особа, которая говорила низкопоклонно: «Ужъ вы, дѣвушки, помолчите; будетъ не такъ, какъ вы пожелаете, а такъ, какъ ея превосходительство прикажутъ!» Собраніе это ясно показало намъ, что игра проиграна, и мы рѣшили порвать всякую связь съ барской затѣей и создать дѣло самостоятельно.

И вотъ безъ средствъ, безъ знакомствъ, безъ умѣнья кроить и шить, я бѣгаю, хлопочу, устраиваю подписку, спускаюсь въ подвальные жилища нищеты и бѣдности, посѣщаю притоны порока и разврата. Помню, какъ однажды я шла по улицѣ съ одною изъ такихъ завербованныхъ мною дѣвушекъ. Нахальные поклоны, циничныя шуточки сопровождали насъ до самаго входа въ швейную. Она шла, потупивши глаза, и яркія пятна стыда покрывали ея красивое лицо. Я же чувствовала себя счастливою своею побѣдой и гордо держала голову подъ этими безчеловѣчными ударами, но все-таки путь нашъ казался мнѣ необычайно длиннымъ, вдвое длиннѣе, чѣмъ всегда.

Не всѣ дѣвушки-швеи были, однако, извлечены мною изъ нищеты и разврата, были между ними и такія, которыя могли постичь основную идею и вошли въ дѣло вполнѣ сознательно. Больше всѣхъ другихъ симпатіей моею пользовалась дѣвушка-полька. Это была прелестная, умная, энергичная дѣвушка, на рукахъ которой очутилась цѣлая семья; она работала съ утра до вечера, билась, какъ рыба объ ледъ, и все-таки терпѣла страшную нужду, голодъ, холодъ и лишенія. Она стала у насъ въ роли закройщицы, и дѣло пошло наладъ.

На лучшей изъ улицъ города — Екатеринославской — нанята была соотвѣтствующая квартира. Я перетасила туда все, что было у меня цѣннаго: и небольшое зеркало, единственное украшеніе нашей залы, и новый гардеробъ, и крѣпкіе стулья, и кисейныя занавѣски, и красную скатерть, и ломберный столъ. Наша маленькая квартирка совсѣмъ опустѣла, зато швейная были обставлена довольно прилично. Дѣло пошло. Всѣхъ интересовало это новое, модное невиданное еще предпріятіе; было много толковъ, шума, нареканий; были люди, бросавшіе въ него грязью и распускавшіе гнусныя клеветы, и были союзники, доброжелатели. Въ первый мѣсяцъ на долю каждой изъ участницъ досталось 15 руб., дальше заработокъ оказался еще значительнѣе.

Но въ основѣ дѣла лежалъ червь, который непременно долженъ былъ подточить со временемъ его корни. Предпріятіе это очутилось мало-по-малу въ рукахъ закройщицы-польки. Занятая и школой, и своей маленькой чайной торговлей, я не могла всецѣло отдать себя швейной, да и вдобавокъ не знала толку ни въ шитьѣ, ни въ кройкѣ, ни въ модахъ. Участіе мое выражалось во внѣшнихъ, такъ сказать, хлопотахъ по домохозяйству и въ развивающихъ чтеніяхъ, которыя вела я въ мастерской. Между тѣмъ властолюбивая дѣвушка-полька, стоя выше другихъ головой по развитію и чувствуя свое значеніе и силу въ этомъ дѣлѣ, забирала его исподволь въ свои руки, и послѣ очень тяжелой для меня борьбы, длившейся около двухъ лѣтъ, я должна была сложить оружіе, и швейная обратилась въ обыкновенный модный магазинъ съ дѣвочками-работницами,

съ мастерицами на жалованьѣ и эксплуатирующей чужой трудъ хозяйкой. Одна только вывѣска гласила еще о томъ, что когда-то на этомъ мѣстѣ существовало идейное учрежденіе.

Но Езерскій появился въ Харьковѣ именно тогда, когда швейная была въ полномъ расцвѣтѣ, когда о ней говорили, шумѣли и называли имя ея инициатора. Легко представить, какъ магически должно было подѣйствовать это на юнаго энтузіаста, знавшаго напамять весь романъ Чернышевскаго. Не одна только швейная говорила ему обо мнѣ, о моихъ вкусахъ и симпатіяхъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, онъ поселился гдѣ-то невдалекѣ отъ Карповскаго сада, на Левадѣ, и каждый разъ до его скромнаго жилища доносились звуки стройнаго хорового пѣнія поэтическихъ малорусскихъ пѣсень. Однажды онъ подошелъ къ кружку дѣвушекъ, которыя тихо и задумчиво пѣли: «Ой, пиду я до гаю»... Онъ спросилъ ихъ, кто научилъ ихъ такому прекрасному и стройному пѣнію, и онѣ назвали ему то имя, съ которымъ связано было устройство швейной. «Мы учимся въ воскресной школѣ, — сказали скромно дѣвушки, — а пѣть хоромъ на два голоса насъ научила Христина Даниловна». Онъ разспросилъ, гдѣ именно живетъ эта Христина Даниловна; и онѣ указали ему на нашъ маленькій чайный магазинъ, въ которомъ торговала я тогда.

Этотъ маленькій чайный магазинъ носилъ на себѣ совершенно иной отпечатокъ и непохожъ былъ на всѣ другія лавочки, торгующія чаемъ и сахаромъ. Неспособная никогда ни къ чему относиться иначе, какъ съ увлеченіемъ, я вложила частичку души во всю его обстановку. Бѣлый деревянный прилавокъ былъ обтянутъ изящной клеенкой; въ дешевыя рамы шкапа были вставлены большія прозрачныя стекла; фунты, полуфунты и четвертушки чаю красовались въ изящныхъ оберткахъ на окнѣ; два маленькихъ хорошенькихъ мальчика, помощники мои по торговлѣ, были одѣты въ поэтическіе малороссійскіе костюмы; на прилавкѣ были разложены новыя газеты и журналы; при магазинѣ была небольшая уютная комнатка, въ которой вѣчно шумѣлъ неугасаемый самоваръ и велись дружескія бесѣды въ минуты

отдыха, а по воскресеньямъ собирались дѣти, подростки и взрослые для обученія грамотѣ. Въ магазинѣ я держала себя, однако, съ большимъ достоинствомъ, чтобы не подать повода къ фамиллярности по отношенію къ молодой женщинѣ, сидящей за прилавкомъ, что было тогда большою рѣдкостью и казалось большою оригинальностью.

Езерскій въ качествѣ покупателя держалъ себя очень сдержанно, и мы обмѣнивались съ нимъ лишь незначущими фразами. Какъ вдругъ однажды онъ услышалъ за стѣной своей скромной комнатки голосъ, совершенно напомнившій ему мой тембръ и манеру говорить. Это были мои братья, поселившіеся въ одной съ нимъ квартирѣ. Дверь распахнулась, и передъ ними предсталъ незнакомый молодой человекъ, восклицавшій взволнованно: «Ради Бога, простите!.. но этотъ голосъ... она вамъ, вѣроятно сестра?» И онъ назвалъ имъ мое имя и фамилію и тѣ поводы, какіе заставляютъ его интересоваться мною, какъ человекомъ. Братья познакомили меня съ нимъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ посѣтителей нашей магазинской комнаты.

Езерскій отличался свѣтлымъ умомъ, большою начитанностью, прекраснымъ голосомъ и энтузіазмомъ фанатика, готоваго на смерть за то, что онъ считаетъ истиной. Все это нравилось мнѣ въ немъ, и между нами была одна только тема раздора—это вопросъ о народномъ образованіи. Онъ глумился надъ моею маленькою воскресной школой, называлъ ее ничтожнымъ палліативомъ, жалкимъ самоуслажденіемъ, заслоняющимъ глаза на то, чѣмъ слѣдуетъ возмущаться, и звалъ меня на другую дорогу, въ другую жизнь...

Однажды мы узнали изъ газетъ, что Езерскій получилъ большое наслѣдство. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого онъ радостно ворвался къ намъ и началъ уговаривать меня принять отъ него это наслѣдство, какъ вещь, точно свалившуюся съ неба и ровно ни на что ему ненужную. Онъ уговаривалъ меня ѣхать на эти деньги въ Петербургъ, заняться своимъ образованіемъ, развить свои способности и выступить затѣмъ на арену широкой общественной дѣятельности. Я назвала его сумасшедшимъ и отказала на-

отрѣзъ. Тогда онъ поѣхалъ одинъ въ Петербургъ за полученіемъ наслѣдства. Мы ждали, что онъ возвратится оттуда, пріодѣвшись, что, наконецъ, улучшится его матеріальное благосостояніе и не нужно будетъ бѣгать ему съ утра до вечера по грошевымъ урокамъ. Но надежды наши не оправдались. Онъ возвратился изъ Питера въ томъ же поношенномъ сюртукѣ, въ томъ же грязномъ шарфѣ, замотанномъ вокругъ шеи, въ тѣхъ же высокихъ смазныхъ сапогахъ, такимъ голышемъ, какъ и былъ. Оказалось, что всѣ свои 50 тысячъ рублей онъ роздалъ на разнаго рода ассоціаціи, общества потребителей, современные артели, а значительный остатокъ изъ этого капитала отправилъ Чернышевскому въ Сибирь.

Въ манерѣ его обращенія съ людьми было чрезвычайно много оригинальнаго. Сижу, напр., я въ маленькомъ обществѣ своихъ знакомыхъ. Входитъ въ переднюю Езерскій и дѣлаетъ знаки, чтобы я вышла къ нему. Я выхожу. «Что вамъ угодно?» Онъ притворяетъ дверь въ гостиную, держитъ меня нѣсколько минутъ безъ отвѣта, а затѣмъ говоритъ съ иронической улыбкой: «Ничего! Мнѣ хотѣлось взглянуть только, насколько вы подчиняетесь общественному мнѣнію и насколько этотъ маленькій поступокъ скомпрометируетъ васъ, на вашъ взглядъ, въ глазахъ этихъ кумушекъ, въ сообществѣ которыхъ вы можете опуститься умственно и нравственно».

Къ числу его странностей относилось еще и то, что онъ или никогда ничего не ѣлъ въ гостяхъ, или если ѣлъ, то подводилъ итогъ съѣденнаго и расплачивался. Какъ ни были бѣдны мы тогда, но духъ гостепріимства всегда жилъ во мнѣ, и вотъ однажды я уговорила его отобѣдать у насъ. На другой день какой-то человѣкъ изъ погребка принесъ мнѣ кулекъ съ апельсинами, счетъ и скрылся. Я заглянула въ счетъ; тамъ стояло:

«Порція супа	30 коп.
Цыпленокъ	25 »
2 миндальныхъ пирожныхъ	10 »
Хлѣбъ	5 »

Итого 70 коп.

Посылаю соответствующее количество апельсиновъ, такъ какъ, все равно, вы любите фрукты и покупаете ихъ».

Мужъ мой ужасно сердился на него за эту выходку, а я отъ души смѣялась надъ чудачкомъ, но обѣдать его больше не приглашала.

Задаюсь я цѣлью описать всѣ его чудачества,—я исписала бы цѣлыя сотни страницъ, а потому довольно и этого. Скажу только, что всѣ его выходки какъ-то шли къ нему и вовсе не носили на себѣ оттѣнка желанія порисоваться, пооригинальничать.

Видя, насколько непреклонна я въ вопросѣ объ измѣнѣ дѣлу народнаго образованія, онъ предложилъ мнѣ заниматься съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ часы досуга науками въ формѣ образовательнаго чтенія. Я согласилась. Помню, онъ создалъ цѣлый планъ самообразованія, долго и горячо работая надъ разработкой его. Помню, мнѣ очень нравился этотъ планъ и казался чрезвычайно привлекательнымъ въ осуществленіи; но занятія наши не шли наладъ. Онъ безпрестанно уклонялся всторону, горячился, спорилъ, порицалъ мое маленькое любимое дѣло, съ отвращеніемъ говорилъ о торговлѣ, о занятіяхъ моихъ въ магазинѣ и вмѣсто намѣченной статьи читалъ съ паѳосомъ и озлобленіемъ «Торговая нравственность» Спенсера. Я, въ свою очередь, раздражалась, противорѣчила, спорила, и часто эти уроки кончались горькими слезами съ моей стороны. Тогда онъ смирялся, затихалъ, просилъ прощенія и клялся никогда не возобновлять своихъ темъ и не выражаться такъ рѣзко и обидно.

Но бывали иного рода отклоненія. Езерскій обладалъ прекраснымъ даромъ слова, богато одаренной фантазіей и пріятной, чарующей дикціей. Отложивши книгу всторону, онъ фантазировалъ о томъ, какъ много сдѣлаю я въ жизни, если займусь самообразованіемъ, брошу свою маленькую школку, свои меркантильныя занятія торговлей и вся отдамся широкой общественной дѣятельности, завоюю себѣ право проповѣдника общечеловѣческихъ истинъ, буду проносить блестящія рѣчи съ трибуны и создамъ цѣлыя тысячи союзниковъ, единомышленниковъ, которые со вре-

менемъ перестроить существующій порядокъ вещей. Заразить общество свѣтлыми теоріями, взглядами, вѣрованіями, привить къ нему энтузіазмъ, энергію и настойчивость въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей—вотъ задача современнаго дѣятеля, вотъ то, что можетъ пробудить общество и послужить къ перевороту, вотъ куда стоитъ затратить все свои интеллектуальныя силы, вотъ чему слѣдуетъ принести въ жертву даже самую жизнь...

И онъ широкою кистью художника рисовалъ передо мною яркія картины моей будущей дѣятельности, гдѣ все было такъ свѣтло, прекрасно, возвышенно. Картины эти напоминали сны Вѣры Павловны изъ романа «Что дѣлать?», и часто я заслушивалась ихъ съ бьющимся сердцемъ и душевнымъ волненіемъ; но помню, никогда, ниразу, ни единымъ словомъ не подала я надежды юному энтузіасту, что я пойду по пути, указанному имъ, никогда не поколебалась мыслью объ измѣнѣ дѣлу народнаго образованія,— настолько и тогда уже я вѣрила въ него.

Какъ-то утромъ все мы были поражены извѣстіемъ, что Езерскій арестованъ и что его везутъ въ Петербургъ съ жандармами. Помню, мнѣ было жаль его до слезъ. Когда онъ забѣжалъ къ намъ проститься, его здоровое, молодое, розовое лицо не носило на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ тревоги или отчаянія; но когда онъ сталъ прощаться съ нами, онъ громко и порывисто зарыдалъ и, обращаясь къ моему мужу, говорилъ всхлипывая: «Неужели вы не видите и не понимаете, А. К., что обстановка, окружающая Христину Даниловну, губить ее; что въ этихъ грошевыхъ расчетахъ гибнутъ ея силы и дарованія. Если и дальше будетъ такъ, вы дадите отвѣтъ Богу за жизнь, загубленную безцѣльно». И онъ выбѣжалъ, рыдая, изъ нашей магазинской комнаты.—«Сумасшедшій!» сказалъ ему вслѣдъ А. К.

Все порывы и выходки Езерскаго были, какъ я уже сказала, вполне естественны въ немъ; но не могу сказать, однако, чтобы въ этой цѣльной и богато одаренной натурѣ не было противорѣчій. Какъ-то я попросила у него его фотографическую карточку. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что тратить деньги на подобный вздоръ онъ считаетъ подлостью, а по-

тому ниразу въ жизни не снимался. Между тѣмъ, полгода или годъ спустя, какой-то незнакомый человѣкъ вызвалъ меня въ переднюю, освѣдомился о моемъ имени и вручилъ мнѣ смятый ключокъ сѣрой бумаги, развернувши который я съ трудомъ прочла слѣдующее: «Если хотите облегчить печаль страдающаго человѣка, лишеннаго воли, свѣта и свѣжаго воздуха, пришлите ему всѣ имѣющіеся у васъ снимки вашихъ фотографическихъ карточекъ». Мнѣ невыразимо жаль было Езерскаго, но карточекъ я все-таки ему не послала, такъ какъ это могло бы повредить моему маленькому школьному дѣлу.

Съ тѣхъ поръ я потеряла его изъ виду и какъ-то, много лѣтъ спустя, слышала, будто онъ возвращенъ изъ Сибири, купилъ себѣ гдѣ-то въ захолустѣ кусокъ земли и занимается огородничествомъ. Московскій Езерскій оказался роднымъ братомъ моего стараго знакомаго, отъ котораго онъ много слышалъ обо мнѣ. Вотъ откуда собственно ишло его восторженное отношеніе къ моей встрѣчѣ. Своимъ энтузіазмомъ онъ напоминалъ нѣсколько брата, но у него все выходило какъ-то какъ бы преувеличенно и неестественно. Лишившись возможности устроить мнѣ овацію въ своей обширной залѣ, онъ встрѣтилъ меня у дверей воскресной школы, помѣщающейся въ его домѣ, съ такимъ уничиженіемъ и благоговѣніемъ, съ такимъ оиміамомъ рѣчей, что я, сконфуженная и растерянная, рѣшительно не находила словъ и выраженій, чтобы отвѣчать ему. Такъ, вѣроятно, встрѣчаютъ низкопоклонные придворные королеву, когда хотятъ польстить ей. Но въ Езерскомъ не могло быть этихъ чувствъ, ему нечего было искать во мнѣ, онъ весь былъ искренность и энтузіазмъ, и я не могла не цѣнить этого, сравнивая его съ московскимъ богачомъ П.

Мы пріѣхали въ эту воскресную школу на послѣдній часъ занятій. Ученицы и учительницы встрѣтили меня точно давнишнюю знакомую, что, однако, не помѣшало имъ страшно конфузиться меня. Въ соединенныхъ группахъ производилось чтеніе. Знакомая мнѣ нѣсколько учительница читала какой-то рассказъ Глѣба Успенскаго. Когда она увидѣла меня, лицо ея покрылось красными пятнами,

голосъ упалъ, и во взглядѣ явилась какая-то растерянность и робость. Желая избавить ее отъ этой пытки, я перешла въ смежную небольшую комнату, изъ которой доходилъ до насъ свѣжій, молодой голосъ, дисциплинирующій ученицъ. Когда мы вошли, дѣвушка-брюнетка съ выразительными черными глазами устраивала и усаживала свою маленькую аудиторію. «Маша, ты садись вотъ тутъ!» говорила она младшей изъ дѣвочекъ, подвигая ее впередъ. «А вы что же поналѣзли чуть не на мою голову, вѣдь такъ мнѣ будетъ душно читать!» шутила она съ другими, примостившимися такъ близко къ ней, что она съ трудомъ добралась до стула. Наконецъ, когда все было улажено, она уютно усеѣлась, откинула нѣсколько назадъ свою красивую голову, раскрыла книгу и начала читать рассказъ Чехова «Ванька». Ахъ, что это было за чтеніе!.. Маленькій загнанный Ванька, съ его жалкими воспоминаніями о деревнѣ, о мамкѣ, такъ и выросъ передъ нами, какъ живой. Дѣти жадно впивались глазами въ лицо учительницы и не проронили, очевидно, ни слова. Теперь ужъ нечего было заботиться о дисциплинѣ: всѣ слушали, не переводя духа, и только короткій смѣхъ сочувствія къ раздумью Ваньки нарушалъ время-отъ-времени эту тишину. Учительницѣ приходилось читать отъ лица мальчика, и надо было видѣть, сколько неподдѣльной наивности и дѣтской чистоты чудилось въ ея чтеніи. Мы положительно слышали самого Ваньку съ его узенькимъ міросозерцаніемъ, съ его дѣтскими радостями, печалями и грезами, и, по мѣрѣ того, какъ передъ нами раскрывалась эта дѣтская душа, мы все больше и больше чувствовали къ нему симпатіи, участія, нѣжности. И странное дѣло, всѣ эти чувства перенеслись у меня съ Ваньки на молодую чтицу, и она стала какъ-то особенно близка и дорога мнѣ. Я познакомилась съ нею, и въ 2—3 свиданія мы сдѣлались чуть не друзьями.

Вообще, несмотря на то, что богачъ П. не далъ намъ залы, нравственное сближеніе «древнихъ христіанъ» шло своимъ чередомъ. Боясь привлечь вниманіе полиціи, я заявила своимъ друзьямъ, что ко мнѣ могутъ являться въ количествѣ пяти лица, желающія повидаться со мною. Та-

кимъ образомъ установились очереди, и моя небольшая комната въ гостиницѣ «Дрезденъ» постоянно была полна народа; но часто старой очереди не хотѣлось до смерти уходить, и такимъ образомъ набиралось по 10 и даже по 15 человѣкъ. Много душевныхъ разговоровъ, много горячихъ изліяній, много свѣтлыхъ надеждъ и несбыточныхъ плановъ слышали стѣны этой скромной комнаты, и я уѣхала изъ Москвы подъ самыми радужными впечатлѣніями, ясно сознавая, что никакимъ богачамъ П. не порвать и не уничтожить этой нравственной связи.
